

Н. Р. Ойноткинова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**Эсхатологические стихи алтайцев:
основные темы и мотивы**

Статья посвящена основным темам и мотивам текстов о конце света у алтайцев. В произведениях этой тематики наблюдаются напластования из разных религий – христианства, буддизма и шаманизма, что свидетельствует о синкретизме фольклорно-религиозного наследия алтайцев. Сложность вычленения собственно христианских мотивов объясняется схожестью эсхатологического цикла во многих религиях. Алтайские эсхатологические стихи схожи с русскими рассказами и духовными стихами о кончине мира по тематическому и мотивному составу, а также по образно-метафорическому языку.

Ключевые слова: эсхатология, эсхатологические представления алтайцев, мифы алтайцев, христианизация алтайцев, конец света.

В фольклоре алтайцев и других современных центрально-азиатских народов обнаруживаются легенды и рассказы о потопе, о сотворении Богом первых людей, Вавилонской башне, конце света. На огромную территорию Центральной Азии рассказы, связанные с мировыми религиями – христианством и буддизмом, проникли в результате этнокультурных контактов в глубоком прошлом. Вопрос о влиянии мировых религий на культуру тюрков Южной Сибири рассматривался в трудах Л. П. Потапова [1933; 1953], С. А. Токарева [1936], С. Г. Кляшторного [1959], И. В. Стеблевой [1972], Л. Р. Кызласова [1999; 2000], Л. И. Шерстовой [2005; 2012; 2013], Н. А. Тадышевой [2011] и др. Все больше исследователей склоняются к точке зрения, что идеи христианства в Центральную Азию проникали с манихейством и несторианством еще в эпоху Средневековья. И. В. Стеблева отмечала, что в свое время В. Томсен и А. фон Габен считали «Книгу гаданий» (предположительно IX в.) манихейской, хотя в ней не было упоминаний имен божеств манихейского пантеона. Такой вывод естественен, если принять во внимание заключительные строки, в которых говорится, что «Книга гаданий» написана для младшего динтара, бурвагуру (титулы членов манихейской общины) [Стеблева, 1971, с. 222]. С. Е. Малов определил ее как сочинение с шаманским содержанием [Малов, 1951, с. 13]. Уже в то давнее время этот древнетюркский памятник отражал дуализм, свойственный не только манихейской религии, но

Ойноткинова Надежда Романовна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; sibfolklore@mail.ru)

и шаманизму. И. В. Стеблева считала, что «древнетюркская “Книга гаданий” отразила процесс креолизации – наложение разных моделей друг на друга, сопровождаемое выявлением в них отождествляемых элементов» [Стеблева, 1972, с. 226]. О манихействе в Южной Сибири свидетельствуют археологические памятники на территории Хакасии и Алтая [Кызласов, 1999; 2000; 2004а; 2004б]. Л. Р. Кызласов считает, что сибирское манихейство есть прямое порождение манихейства центрально-азиатского. Но если последнее было «облачено в буддийские одеяния», то на северное манихейство оказался «накинут еще и шаманский плащ» [Кызласов, 1999, с. 30].

По поводу распространения несторианства в Центральную Азию С. Г. Кляшторный писал, что этот регион, в первую очередь районы современной Монголии, был объектом как непосредственной миссионерской деятельности несториан с Запада, ибо Средняя Азия, Иран, Ближний Восток вели свою торговлю с этими районами, так и, возможно, объектом воздействия со стороны несториан из Китая. И здесь несторианство не добилось полного успеха, но «к середине IX века или несколько ранее среди кыргызской аристократии, а затем и среди более широких слоев получил известное распространение несторианский толк христианства, который, однако, не вытеснил местных шаманских культов» [Кляшторный, 1959, с. 167].

В Горном Алтае большую роль в освоении региона сыграла Алтайская духовная миссия. В период ее деятельности в конце XIX – начале XX в. на алтайский язык были переведены значительная часть Священного Писания, некоторые псалмы, заповеди и молитвы.

В данной работе не ставится задача определения исторического источника заимствования эсхатологических представлений алтайцами, поскольку вопрос о влиянии мировых религий на южно-сибирские этносы требует глубокого изучения. Целью данной статьи является выявление основных тем и мотивов алтайских эсхатологических повествований. Для решения поставленной проблемы материал сопоставлялся с христианскими источниками, а также результатами исследования русских эсхатологических рассказов, поскольку последние в фольклористике достаточно хорошо изучены. Для сопоставления также приводятся мотивы из монгольских (Беннигсен, 1912) и калмыцких текстов (Эсхатологические мифы), доступных нам. Славянские эсхатологические тексты стали предметом исследования фольклористов Д. В. Громова [2003], М. В. Ахметовой [2004], Д. И. Антонова [2013], И. А. Бессонова [2012; 2014], В. Л. Кляуса и А. А. Пригарина [2011] и др.

Исследование М. В. Ахметовой [2004] показало универсальность эсхатологии и ее мотивов, проявляющихся в фольклорных традициях разных народов, хотя истоки их проникновения в культуры могут быть разными. Так, русская православная эсхатология, по мнению И. А. Бессонова, представляет комплекс представлений, складывавшихся в течение многих столетий на территории разных стран. Православная эсхатология, принесенная на Русь в X в., впитала традиции еврейской и раннехристианской эсхатологии, получившие интерпретацию в трудах византийских ученых-богословов. Вместе с канонической православной эсхатологией (включавшей в себя древние первоисточники и их интерпретации и комментарии) в орбиту славянской культуры попали многие неканонические произведения [Бессонов, 2014, с. 19, 64].

Тексты о предстоящем конце мира у алтайцев фиксировались во второй половине XIX в. и в конце 80-х гг. XX в. В книге В. В. Радлова, куда вошли материалы, собранные миссионером В. И. Вербицким и алтайским священником В. П. Чевалковым, опубликованы два текста: «Tälänät kijiärđiñ sözübilä» («По слову теленгитов») и «Алтаи kijiärđiñ sözübilä» («По слову алтайцев») (Образцы народной литературы..., 1866, с. 167–170). Аутентичность этих переводных тек-

стов вызывала сомнения у некоторых исследователей [Муйтуева, 2004]. В сборнике «Алтай кеп-куучындар» опубликованы пять текстов, записанных от разных информантов (АКК, с. 337–344). Их достоверность не вызывает сомнений, поскольку все эти произведения содержат паспортные данные. Тексты были записаны от пожилых людей, хорошо знающих традиции и фольклор алтайцев. Одним из рассказчиков был известный сказитель, шаман Алексей Григорьевич Калкин (1925–1998) (Там же, с. 342–344), живший в с. Паспарты Улаганского района, где вплоть до 30-х гг. XX в. существовали православные церкви. Пожилые теленгиты до сих пор вспоминают разные истории, связанные с крещением, со строительством церквей в этих краях. Рассказчиком другого текста являлся алтаец из рода майман Боор, который, согласно преданиям, побывал в плену у китайцев, хорошо знал китайский и монгольский языки, общался с ламами, устраивал коллективные моления и рассказывал о кончине мира (НПА, с. 350–361). В настоящее время этот жанр почти угас, по крайней мере, об этом свидетельствуют наши экспедиции в разные районы Республики Алтай, проведенные в последние десять лет.

В анализируемых нами алтайских текстах выявлены три темы, характерные для русских эсхатологических рассказов: «Эсхатологическая эпоха», «Пришествие дьявола» и «Эсхатологическая катастрофа» [Бессонов, 2014, с. 123]. В отдельную тему «Ожидание мессии» отнесены эсхатологические тексты, появившиеся в контексте национально-религиозного движения бурханизма в начале XX в.

Алтайские эсхатологические повествования о предстоящем конце мира построены силлабическим аллитерационным стихом, что было характерно для древнетюркской поэзии. Из-за стихотворной формы они напоминают духовные стихи. В этих текстах сюжеты отсутствуют, их содержание сводится к нескольким темам и мотивам.

Эсхатологическая эпоха

Перед апокалиптическими бедствиями происходит технический прогресс, человечество живет в высокоцивилизованном обществе. Картина конца света состоит из устойчивых метафорических образов техногенного мира: небо и земля железные, по небу летают железные птицы, по земле бегают железные быки, люди общаются между собой по проволоке: *Калъанчы чак калърдә, тәңәри тәмір польн калар, jär яс польн калар...* (Образцы народной литературы..., 1866, с. 167) 'Когда последний век наступит, небо станет железным, земля станет медной'; *Јер үстүле темір жүзүрер, / Тенери тўбиле темір учар...* (АКК, с. 339) 'По земле железо будет бегать, / По дну неба железо будет летать'. Мотив железной (медной) земли и неба характерен и для русской эсхатологии [Антонов, 2013, с. 50; Бессонов, 2014, с. 177].

Зооморфные образы железных животных и птиц, обозначающих транспорт, являются типичными метафорами эсхатологии не только алтайцев и русских [Бессонов, 2014, с. 145, 150], но многих других народов. Еще в начале XX в. люди понимали, что технический прогресс неизбежен, и о том или ином виде техники говорили образными иносказаниями. В калмыцком тексте, наряду с образом железной птицы, встречается образ верблюда без шеи (о поезде): *Хала ливрті шовун нисх, / Хамг имтн тўньгиг хіліх / Кўзўн уга темін еарх / Кун имтн тўньгиг хіліх* 'Будет летать птица с металлическими крыльями, / И люди будут на нее смотреть. / Появится верблюд без шеи, / И все люди будут ему дивиться' (Эсхатологические мифы). В монгольском тексте образные иносказания отсутствуют: «Когда через 170 лет вся земля объединится под властью русского хана. Тогда на лошадях больше не будут ездить, везде будут железные дороги, пароходы и разные машины» (Беннигсен, 1912, с. 13).

Образ синего быка возле дома служил иносказанием автомобиля (*тыныжы жок темир ат*), а синий бык без дыхания в океане или море – иносказанием корабля: *Айыл ортодо тыныжы жок көк бука огурып, мантап турар, / Көк тенгистин көк буказы огурып келер* (АКК, с. 342) ‘Среди юрт синий бык без дыхания, ревя, будет бегать, / По синему океану синий бык, ревя, придет’. В этом высокоразвитом обществе люди между собой общаются по «конскому волосу», т. е. по телефону: *аттын кылындый эмикле куучындажар* (АКК, с. 338) ‘по проволоке, как конский волос, будут разговаривать’; или по «тонкой паутине» (*жөргөмөштин уусула*), т. е. по Интернету.

И. А. Бессонов пишет, что образы ниток, проволок, опутывающих весь мир, возникли в середине XIX в. с появлением телеграфа и радио. Для народных эсхатологических рассказов XIX–XX вв. было характерно изображение мира, опутанного проводами (телеграф), «железом» (железные дороги), и «огненных колесниц» (поездов). В русских эсхатологических рассказах с паутиной отождествляются разные технические нововведения сменяющихся эпох: сначала железные дороги и телеграф, позже компьютер и Интернет [Бессонов, 2014, с. 138–143].

Техногенному буму предшествуют заметные катаклизмы в природе, которые приведут к изменению климатических условий жизни на земле. Произойдут наводнения и засухи; там, где были озера, останется один песок, земля перестанет быть плодородной, станет железной: *Жас – жас болбос, / Кыжы – кыш болбос, / Күзи – күс болбос. / Андый ой, күн слерге келижер – / Оны үзе көрөрөр!* (НПА, с. 134) ‘Весна не будет весной, / Зима не будет зимой, / Осень не будет осенью. / Такое время, [такие] дни вам достанутся – / Всё это увидите!’ (Там же, с. 135). В результате катастрофической ситуации погибнет растительность, а насекомые (типа саранчи) будут поедать растения: *Калык жон нузулар, / кара курт канат табынар, / кара көзүнө кан чабылар* (Образцы народной литературы..., 1866, с. 168) ‘Народы-государства разрушатся, / у черного червя крылья окрепнут, / его черные глаза кровью нальются’. Образ червей с крыльями напоминают саранчу из Апокалипсиса: «И из дыма вышла саранча на землю... И сказано было ей, чтобы не делала вреда траве земной, и никакой зелени, и никакому дереву, а только одним людям, которые не имеют печати Божией на челах своих. И дано ей не убивать их, а только мучить пять месяцев... <...> По виду своему саранча была подобна коням, приготовленным на войну... лица же ее – как лица человеческие; и волосы у ней – как волосы у женщин» (Откр. 9: 3–8)¹.

В этих текстах, наряду с темой уничтожения природы, проходит мотив физической деградации человечества: *Кадын суузы кабынан жайлап, тескери агар, / Кара жыштын турган јерине кара тал деп тал өзөр. / Боро үйе деп үйе болор, / Окпө-јүрегинен оору улус болор, / Боро тал деп тал өзөр, / Јыгыл калза, ортозынан өдүп болбос. / Азий јаан көл турган болзо, онын түби јер болор* (НПА, с. 138–139) ‘Река Кадын, выйдя из берегов, вспять потечет, / На месте густого черного леса черные ивы вырастут. / Поколение чахлым (букв.: серый) будет, / С большими легкими-сердцем народ будет, / Чахлые ивы расти будут, / Если повалятся – между ними не пройти будет. / Там, где прежде большое озеро было, пустая земля будет’ (Там же, с. 139). Этот эсхатологический текст был актуальным в 80-е гг. XX в., когда в Республике Алтай обсуждалось строительство ГЭС, люди опасались серьезной экологической катастрофы, в случае если ее всё-таки начнут строить.

В этот период времени народом правит русский царь Темир-Чагаан-каан (букв.: Железный-Белый-хан). Текст был записан в 1977 г., в то время образ русского правителя легко можно было воссоздать на основе реальных прототипов. Признаком

¹ Библейские цитаты даны по изданию: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Russian Orthodox Bible, 1991. 1372 с.

эсхатологического времени в период его правления является расцвет торговли: *Тосток сары арба бӯдер, ичип турза, коолы жок болор. / Алты пуд арбаны алты кўнге жиurer. / Темир-Чагаан эткен ажында 17 жүзүн аш болор. / Ол ашта картан деп курсакты / Карын жахшы курсак деп жип отураарар. / Азыраган 400 малында карыш сӯбмдӯ какай деп мал болор. / Карын жахшы мал деп азырап отураарар* (АКК, с. 342) ‘Выпуклый желтый ячмень вырастет, будете есть – вкуса не будет. / Шесть пудов ячменя за шесть дней съедите. / У Темир-Чагана 17 разной пищи будет. / Среди этой пищи картошку, / Самой хорошей пищей считая, будете есть. / Среди выращиваемых 400 видов животных сви́нья будет величиной с пядь, / Ее очень хорошим скотом считая, будете выращивать’. В условиях кочевого хозяйства разведение свиней было не совсем удобным занятием для предков алтайцев. Кроме того, это животное считалось нечистым и его мясо в пищу не употребляли.

Во время правления этого правителя общество живет в материальном достатке, но люди и их имущество будут у него на счету (*чотко тартар каан болор* ‘царь счет вести будет’), в обращении будут денежные купюры «с изображением крота»: *Кара момон акча болор, / Боро момон акча болор* (АКК, с. 342) ‘С черным кротом деньги будут, / С серым кротом деньги будут’. Этот пророческий текст от сказителя А. Г. Калкина был записан в 1987 г., в то время в нашей стране «перестройка» только началась и экономика становилась рыночной. И в начале 90-х гг. среди алтайцев шли разговоры о том, что именно А. Г. Калкин предсказал введение в оборот доллара. Его образное выражение *кара момон акча* ‘с черным кротом деньги’ у народа вызывало ассоциацию с купюрами американского доллара с изображениями президентов.

Мотив утраты ценности золота, этого драгоценного металла, характерный и для православной книжности и фольклора [Бессонов, 2014, с. 154], служит утверждению ценности самой человеческой жизни во время вселенской катастрофы, голода, засухи, войны: *Ат пажынча алтын / Ажакту ашка турбас, / Ажак алдынаң алтын чыбар, / Аны алар кижі жок полор* (Образцы народной литературы..., 1866, с. 167) ‘Золото с конскую голову / Чашки зерна не будет стоять, / Под ногами золото будет валяться, / Чтобы его взять – человека не найдется’. Данный мотив встречается и в других жанрах фольклора алтайцев: так, в предании «Золотое озеро» («Алтын-Кель») один человек в голодное время в горах Алтая нашел самородок золота; он долго ходил в надежде обменять его на что-нибудь съестное, но люди жили так бедно, что не могли ничего предложить ему в обмен на такое богатство. Тогда ему пришлось выбросить его в озеро, и с тех пор озеро стали называть Алтын-Кель.

Перед концом света актуальной становится проблема человеческой нравственности. Поколение людей, живущее в это «чудесное» время, названо *кал үйе* ‘поколение жестоких’. Характерным признаком их времени является нарушение нравственных устоев семьи, несоблюдение народных обычаев и традиций, отсутствие уважения между людьми. В выражении *Кайын-келин билишпес, кал улус болор* ‘Не знающими родства, дерзкими людьми будут’ (*букв.*: не знающими свекра-невестку, дерзкими люди будут) речь идет о родственных отношениях, которые будут забыты. В прошлом у алтайцев обычай избегания свекра строго регулировал отношения между полами в семье, между женщиной и мужчиной, старшим и младшим. Приведем цитату из текста: *Кайа көрүшпес кал үйе болор. / Эр жанында эки мылтык турар, / Агалу-ийиндү адыжар. / Эшии жанында эки кўн турар, / Эжелү-сыйынду блаажар* (АКК, с. 339) ‘Будет поколение, не оглядывающих назад, / На мужской стороне ружья (наготове) будут висеть, / Брат с братом будут перестреливаться, / На женской половине два солнца будет, / Сестра с сестрой будут драться’; *Аба палазын таныбас, / Пала абазын таныбас, / Пабыр пашка*

чыбар (Образцы народной литературы..., 1866, с. 167) 'Отец свое дитя не признает, / Дитя своего отца не признает, / Крича на него, на голову сядет'.

В анализируемых алтайских текстах слово «грех» явно не выражено, но его концепт присутствует в описании человеческой безнравственности. О жестокости людей перед концом света также говорится: *Көлдө канча кире курт өскөн, / Андый улус болор. / Ээрен курт болуп эдин јишжип, / Кара курт болуп канын ичижип, / Бой-бойына кыйгастажып, / Кыјырантыжып јүрер ой* (НПА, с. 138–139) 'Сколько червей в озере появится – / Столько народу будет. / Как земляные черви, мясо друг друга поедать, / Как черные черви, кровь друг друга выпивать, / Друг с другом не ладить, / Друг с другом вздорить время придет' (Там же, с. 139).

Понятия рая и ада, характерные для мировых религий, христианства и буддизма, в шаманской картине мира алтайцев связывались с Верхним и Нижним мирами. О представлениях алтайцев-шаманистов о загробной жизни и посмертном суде А. В. Анохин в начале XX в. писал: «В загробной жизни душа всякого человека без различия делается *көрмөс'ом*... Участь *көрмөс'ов* – душ умерших в загробной жизни – бывает различная в зависимости от добрых и худых дел человека. Так, душа хорошего человека после смерти живет на земле – *пу јерде јүрөт*, пользуясь всеми благами земными. Земля, таким образом, делается ее раем, и пребывание на ней по смерти считается самым лучшим положением для души. Душа порочного человека, наоборот, за свои дела наказывается тем, что лишается возможности оставаться на земле и идет в Нижний мир к Эрлику – *отко парып јат* (идет в огонь). Такая душа, с момента своего перехода в загробную жизнь, делается слугой Эрлика – элчи (букв.: посыльный. – Н. О.), приносит людям вред и болезни и старается увлечь кого-нибудь из родственников в его царство» [Анохин, 1924, с. 21].

Представление алтайских шаманистов о суде над душой умершего человека в ином мире имеет сходство с представлениями в других религиях, согласно которым посмертный суд представляется как подсчет деяний, совершенных человеком при жизни. Таким образом, понятие посмертного суда как бы «встроено» в шаманскую модель мира. Все свидетельствует о синкретизме представлений алтайцев, сложившихся в результате восприятия мировых религий – христианства и буддизма.

Пришествие дьявола

В алтайской традиции с дьяволом, или антихристом, отождествляется Эрлик из шаманской мифологии. Отмечается, что, после того как богатыри-сыновья Эрлика, Караш и Керей выйдут на поверхность земли, против них начнут войну богатыри Верхнего мира – Мангды-Шире и Май-Тере. От пролитой крови Май-Тере на земле начнется вселенский пожар, это и будет знамение конца света: *Оның кининдә Арликтің пәттырлары / Карашыла Кәраи / јәр үстүнө чыбарлар, / јәр үстүнө чыкканда / Үлгөнүң пәттырлары / Маңды Ширәбилә Май Тәрә / аларбыла јүлажарба / тәңәридәң тәжәрлөр. / Май Тәрәнің канынаң / јәр отко калар. / Каланчы чак андї полор* (Образцы народной литературы..., 1866, с. 170) 'После этого богатыри Эрлика, / Караш и Керей, / На поверхность земли выйдут. / Когда они выйдут на поверхность земли, / богатыри Ульгена, / Мангды Шире и Май Тере, / с ними воевать / с неба спустятся. / Из-за крови Май Тере / земля пожаром будет охвачена. / Последний век таким будет'.

С одной стороны, в основе повествования о конце света лежит идея борьбы светлого и темного начал, характерная для всех религий, в том числе и для манихейской. С другой стороны, ожидание мессий будущего, Майтрейи (Май-Тере), Манджушри (Мангды-Шире) и Ойрота-Каана, подтверждает проникновение в религиозное сознание алтайцев догматики буддизма. Если в буддизме спасение

и возрождение человечества связывались с грядущим пришествием Будды Будущего – бодхисаттвы Майтреи, то в христианстве – с приходом Иисуса Христа, Спасителя всего человечества, который в определенный момент вмешается в историю человечества для наказания грешников.

Пришествие Бурхана Майдари в монгольском тексте, рассказанном тангутским ламой Юндунгом, также связывается с уничтожением грешников и обновлением рода человеческого: «Народ измельчает и будет рано умирать. Тогда придет Бурхан Майдари. Он обновит род людской и даст им новую веру... Земля вся погибнет, грешники при этом сгорят, а души праведных будут взяты в царство тенгиров, где будут жить до сотворения новой земли. Когда же Хормусто-хан вновь ее создаст, они спустятся на нее и будут так же святы, как и первые люди» (Беннигсен, 1912, с. 13).

В тексте Радлова вместо Эрлика и его сыновей из шаманского фольклора изпод земли выходят девять всадников: *Тәңіс түбүндө тобус жәрдаң үзүләр, / тобус жәрдаң үзүлзә, / тобус курчулү кайрчак чыңар, / тобус тәмір аттү кижі анаң чыңар. / Аның әкүзү пашчы полор... / алдындағы колдоры кылыштү полор, / арт куирубү үлдүлү полор, / ағашка табарза ағашты әндәр, тындүза табәрза тындүдү әндәр. / Албатты жонбо амыр жок полор, / Аїза, күнбә жаркын жок полор, / Ағаш тазылынаң кодорылар. / Адазы палазынаң айрылар, / Әлән үзүлөр, / үрбнү түбөнөр. / Әнә әркәзінәң айрылар, / әрї жок калар* (Образцы народной литературы..., 1866, с. 167–169) ‘Дно мирового океана на девять частей разобьется, / Когда на девять частей разобьется, / Оттуда ящик с девятью замками выйдет, / Из него девять всадников на железных конях выйдут. / Двое из них правители будут... / В руках у них мечи будут, / Сзади с саблями будут, / Дерево попадется – дерево порубят, / Живое существо попадется – его искалечат. / Народам-племенам покоя не будет, / От луны, солнца света не будет, / Деревья с корнями упадут, / Отцы без детей своих останутся, / Трава перестанет расти, / Семена иссякнут. / Матери без ласковых детей останутся, / Без мужей останутся’.

Образы девяти всадников с мечами сопоставимы с образами всадников в Апокалипсисе, и они имеют, возможно, библейское происхождение (ср.: Откр. 6: 4). Под девятью всадниками, скорее всего, имелись в виду девять сыновей Эрлика. А. В. Анохин пишет, что «по одним версиям, у Эрлика – семь сыновей, по другим – девять» [Анохин, 1924, с. 4]. В шаманской мифологии алтайцев символика числа «девять» также связана с представлениями об устройстве Верхнего и Нижнего миров, имеющих по девять сфер, или ступеней. Верховное божество Ульген, «живет за месяцем, солнцем, выше звезд небесных... Путь к нему лежит через семь, а по другим версиям – через девять препятствий (*нуудак*)» [Там же, с. 9]. Шаман в пути к Эрлику преодолевает девять препятствий. Дворец его из черного железа находится в Нижнем мире при слиянии девяти рек в одну реку Тойбодым [Там же, с. 3].

Во время эсхатологической войны вода станет непригодной для питья, будет пролито так много крови, что реки с кровью потекут. Мотив превращения воды в кровь, отмеченный и в Апокалипсисе («Третий Ангел вылил чашу свою в реки и источники вод: и сделалась кровь» – Откр. 16: 4), присутствует и в алтайских текстах: *Калык жон пузулар, / кара курт канат табынар, / кара көзүнө кан чабылар, / кара су канбыла аңар...* (Образцы народной литературы..., 1866, с. 168) ‘Народы-государства разрушатся, / у черного червя крылья окрепнут, / его черные глаза кровью нальются, / чистые реки с кровью потекут’.

Эсхатологическая катастрофа

В эсхатологических стихах алтайцев дана картина вселенского пожара, который, согласно апокалипсической идее, должен очистить мир от грешников: *Кал-*

ганчы жүрүм, калганчы үйе ол болор. / Учы-түби барала, бу албаты неге де кереги жок, / Кал үйе болуп барган кийинде, / Тенгеринен изү сангытла жанмыр жаар, / Жердин үсти көрнөө болуп күйе берер, / Агын жаткан суун, агын жада соолып калар, / Айланып жаткан тенгизин бортылдап кайнаар. / Онон арткан неме – артар, / Артпаган неме – артпас (НПА, с. 136) ‘В этот последний век последнее поколение будет. / В конце концов, этот народ вовсе никчемным станет, / Когда поколение дерзких придет, / С неба кипящая сера дождем польется, / Землю пламя охватит, / Текущие реки на месте начнут испаряться, / Океан вокруг земли забурилит. / Что останется после этого – то и останется, / Что не останется – то не останется’ (Там же, с. 137). Кипящая сера, льющаяся с неба, как дождь, – один из ярких библейских образов конца света (Втор. 29: 22–24).

В рассказе, записанном от монгола Зэнгэ Адья в Урге, использован другой образ: льет не кипящей серой, а свинцовым дождем: «Тогда появятся 3 солнца, которые все на земле сожгут, останутся горы. После огня пойдет свинцовый дождь, который сровняет эти горы, и останется один песок» (Беннигсен, 1912, с. 13).

Картина конца света всегда сопровождается предположениями, как человек будет выглядеть физически после катастрофы: «Настанет, наконец, время, когда они будут жить всего 7 лет и уже через день после рождения будут способны работать. Ростом они будут не больше локтя, а лошади будут величиной с зайца» (Там же). Эти образы присутствуют и в алтайских текстах: *Кижги арышча болор, / эргекче эр болор, эр тискини кыска болор* (АКК, с. 340) ‘Человек с рожь будет, / мужчина с большой палец будет, повод седла коротким будет’.

Ожидание мессии

Повествования о конце света были актуальными во время национально-религиозного движения алтайцев-бурханистов в начале XX в., ожидавших мессию, Ойрот-хана, который якобы обещал вернуться и возродить былое могущество Джунгарского ханства и его подданных.

В исторической науке на истоки формирования бурханизма, или «белой веры» (*ак жан*), существует две точки зрения: одни ученые (А. М. Сагалаев, Н. В. Екеев, В. К. Косьмин и др.) считают, что на бурханизм значительное влияние оказал буддизм, синкретично слившись с анимистическими верованиями алтайцев; другие исследователи (Д. В. Арзютов, Н. О. Тадышева, А. А. Насонов и др.) отмечают, что наряду с буддизмом серьезное влияние на формирование «белой веры» оказали христианские идеи [Насонов, 2010, с. 65].

Устраиваемые алтайцами моления должны были сплотить их перед русскими миссионерами, насаждавшими православие. Мессианская роль Ойрот-хана отмечалась в исторических песнях и преданиях о Джунгарском периоде. Например: *Коркушту жаан жуу болор. / Жуу болзо, Ойрот-Каан / Кайыш курлу кара албатызын / Баикалап бойына алар. / Кара чачту калыгын / Төббозинде төрт чачынан танып, / Кара көстү калыгын, / Кирбигинен танып алар / Ойдо апарар* (АКК, с. 343–344) ‘Большая война будет. / Когда начнется война, Ойрот-Каан свой черный народ, носящий черные кожаные пояса, / Отделив, к себе заберет. / Свой черноволосый народ / По четырем косичкам на темени узнав, / Свой черноглазый народ / По ресницам узнав, / К себе уведет’.

С точки зрения историка Л. И. Шерстовой, «идея единого бога, представление о накоплении людьми грехов и, как следствие этого, приближение “конца света”, отрицательное отношение к кровавым жертвоприношениям и шаманам, мессианские мотивы – все это внедрялось в сознание тюркоязычных подданных Джунгарского ханства в период насильственного распространения у них буддизма (ламаизма)» [Шерстова, 2012, с. 244]. Внедрявшийся в джунгарское время ламаистский

пласт растворился в традиционных представлениях алтайцев, синкретизировался с ними и какое-то время не выделялся среди них, но бурханистское движение привело к его «всплыванию» [Шерстова, 2013, с. 184]. По мнению ученого, внешним же фактором, активизировавшим настроения алтайцев-бурханистов, были миссионерские проповеди, в которых толковались православные догматы о грехе, Страшном суде, приходе мессии. «Не желая того, миссионеры спровоцировали интерес алтайцев к своим традиционным представлениям, которые не выделялись из общей религиозно-мифологической картины, но имели аналогии в христианстве, выдвинув их на первый план. При этом в их глазах бурханизм “уравнивался” с христианством, а алтайцы, перестав быть шаманистами, получили свою монотеистическую религию» [Там же, с. 184].

Таким образом, анализ содержательной фактуры эсхатологических текстов алтайцев показал наличие элементов из разных религиозных систем: шаманизма, христианства и буддизма. Идеи о конце мира к сибирским тюркам могли проникать в глубокое прошлое с манихейством, несторианством, буддизмом. Выделенные в текстах алтайцев мотивы находят сходства с эсхатологическими мотивами других народов, в частности русских, монголов, калмыков. Алтайские и русские эсхатологические повествования сближает не только язык повествования, схожие поэтические образы и метафоры, но и идейно-религиозная составляющая. Основная дидактика эсхатологических повествований направлена на предостережение человека от совершения греха и напоминание ему о Страшном суде перед кончиной мира. Однако все эти сходства не дают нам основания утверждать, что эсхатологические мотивы, характерные для христианской книжности и фольклора, закрепились в культуре центрально-азиатских народов, в том числе алтайцев, через православие, поскольку, как известно, тексты с христианским содержанием переводились и широко распространялись с манихейством и несторианством в Средневековье. Уникальность традиционной культуры алтайцев заключается в том, что ее религиозная система, по сути шаманская, синкретично адаптировала идеи и понятия мировых религий, что и привело в начале XX в. к созданию новой религии – бурханизма, в которой немаловажную роль сыграли образы и понятия, заимствованные из буддизма и христианства.

Список литературы

- Анохин А. В.* Материалы по шаманству у алтайцев. (Собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии). Л., 1924. 152 с.
- Антонов Д. И.* Из «народной Библии» сел Самойловка и Залесьянка // Живая старина. 2013. № 4. С. 48–51.
- Ахметова М. В.* Эсхатологические мотивы современной мифологии в России конца XX – начала XXI в.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 260 с.
- Бессонов И. А.* Образ чудовищных птиц в эсхатологических рассказах // Живая старина. 2012. № 1. С. 4–7.
- Бессонов И. А.* Русская народная эсхатология: История и современность. М.: Гнозис, 2014. 336 с.
- Громов Д. В.* Фольклорные тексты о «ранешней» Библии // Живая старина. 2003. № 1. С. 42–44.
- Кляшторный С. Г.* Историко-культурное значение Суджинской надписи // Проблемы востоковедения. 1959. № 5. С. 162–169.

Кляус В. Л., Пригарин А. А. Переживания конца света у старообрядцев российско-украинско-белорусского пограничья // Традиционная культура. 2011. № 4. С. 126–132.

Кызласов Л. Р. Открытие государственной религии древних хакасов. Мани и манихейство // Труды Хакаской археологической экспедиции. М.: Абакан, 1999. Вып. 6. С. 10–41.

Кызласов Л. Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Древности Алтая. 2000. № 5. URL: <http://e-lib.gasu.ru/da/archive/2000/05/10.html> (дата обращения 25.12.2015).

Кызласов И. Л. Культурные взаимосвязи тюрков и иранцев в VI–XIII вв. (язык, письменность, религия) // Этнографическое обозрение. 2004а. № 6. С. 3–13.

Кызласов И. Л. Манихейские монастыри на Горном Алтае // Древности Востока / Отв. ред. И. Л. Кызласов. М.: Русаки, 2004б. С. 127–128.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 452 с.

Муйтуева В. А. Традиционная религиозно-мифологическая картина мира алтайцев. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2004. 208 с.

Насонов А. А. Влияние буддизма и христианства на формирование вероучения бурханизма в ходе процесса синкретизации на территории Алтае-Саян в конце XIX – начале XX в. // Мир Евразии. 2010. № 2(9). С. 64–68.

Потанов Л. П. Очерки истории Ойротии: Алтайцы в период русской колонизации. Новосибирск: ОГИЗ, 1933. 204 с.

Потанов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 442 с.

Стеблева И. В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник 1971. М.: Наука, 1972. С. 213–226.

Тадышева Н. О. Влияние христианизации на семейную обрядность коренных народов Горного Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 2011. 168 с.

Токарев С. А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. Л.: Соц.-экон. изд-во. Ленигр. отд-ние, 1936. 156 с.

Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: Этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: Ин-т археол. и этногр. СО РАН, 2005. 312 с.

Шерстова Л. И. Горный Алтай в XVI–XX вв.: джунгарское этнокультурное наследие // История и культура средневековых народов степной Евразии: Материалы II Междунар. конгр. средневековой археологии Евразийских степей. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 238–245.

Шерстова Л. И. Эсхатология раннего бурханизма: из опыта реконструкции традиционного этнического самосознания // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2013. № 3(23). С. 181–185.

Список источников

АКК – Алтай кеп-куучындар (Алтайские предания) / Сост. И. Б. Шинжин, Е. Е. Ямаева. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1994. 415 с. (На алт. яз.).

Беннигсен А. П. Легенды и сказки Центральной Азии. СПб., 1912. 172 с.

НПА – Несказочная проза алтайцев / Сост. Н. Р. Ойроткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с.; ил. + CD. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30).

Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи, собранные В. В. Радловым. СПб.: Тип. Имп. АН, 1866. Ч. 1: Поднаречия Алтая. 410 с.

Эсхатологические мифы – Басангова Т. Г. Эсхатологические мифы калмыков // Санкт-Петербургские монголоведческие чтения: Научная конф., посвященная ведущим российским монголоведам, юбилярам 2017 года: М. И. Гольману (90 лет), К. Н. Яцковской (90 лет), В. В. Грайворонскому (80 лет), Л. Г. Скородумовой (70 лет), 27 сентября 2017 г., Санкт-Петербург. СПб., 2017. С. 6–7.

N. R. Oynotkinova

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation, sibfolklore@mail.ru*

Eschatological poetry of Altai: the main themes and motifs

This paper analyses the main themes and motifs in Altaian texts about the end of the world. Altai material was compared with Christian sources, as well as with the results of the study of Russian eschatological stories since they have been already thoroughly investigated. For comparison, the motives from Mongolian texts are also given. The texts contain the ideas from Christianity, Buddhism and shamanism. Folklore and religious heritage of Altai are closely connected. Myths about the end of the world may have come to the Siberian Turks in the Middle Ages as an integral part of the early forms of Christianity, through Nestorianism and perhaps through Manichaeism, and in the 18th and 19th centuries through Orthodoxy. It is difficult to isolate the characteristics of Christian eschatological motives in the corpus because there are many religions, including Buddhism, which permeate the environment of ethnic ancestors of Altaians since the second half of the first millennium.

Altaic eschatological narratives about the impending end of the world are built by a syllabic alliterative verse, which was characteristic of the ancient Turkic poetic system. Because of their poetic form, these works resemble Russian spiritual verses. The eschatological verses of the Altaians do not contain plots; their content is reduced to a certain number of themes and motives. Three topics were identified in the texts, coinciding with the themes of Russian eschatological stories: «Eschatological era», «The coming of the devil» and «Eschatological catastrophe». Eschatological texts with the theme «Waiting for the Messiah» appeared in a separate group, in the context of the national-religious movement, Burkhanism, in the early 20th century. A comparison of the themes and motifs of the Altaic eschatological verses with biblical sources, as well as with the eschatological texts of other peoples, Russians, Kalmyks and Mongols, showed the similarity of some of the motives. The zoomorphic images of iron animals and birds denoting modern transport are typical metaphors not only in the eschatology of Altaians and Russians but many other peoples who knew the ideas of world religions about the demise of the world.

Keywords: Eschatology, Altaian eschatological views, Altaian myths, Altaian Christianization, end of the world.

DOI 10.17223/18137083/61/4

References

Anokhin A. V. *Materialy po shamanstvu u altaytsev. (Sobrannye vo vremya pute-shestviy po Altayu v 1910–1912 gg. po porucheniyu Russkogo Komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii)* [Materials on shamanism in Altai (Materials collected during trips to the Altai in 1910–1912 gg. on behalf of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia)]. Leningrad, 1924, 152 p.

Antonov D. I. Iz “narodnoy Biblii” sel Samoylovka i Zalesyanka [From the “people’s Bible” of settlements Samoilovka and Zalesyanka]. *Zhivaya starina*. 2013, no. 4, pp. 48–51.

Akhmetova M. V. *Eshatologicheskiye motivy sovremennoy mifologii v Rossii kontsa XX – nachala XXI vv.* [Eschatological motives of modern mythology in Russia of the end of the 20th – beginning of the 21st century]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2004, 260 p.

- Bessonov I. A. Obraz chudovish'nyh ptits v eshatologicheskikh rasskazakh [The image of monstrous birds in eschatological stories]. *Zhivaya starina*. 2012, no. 1, pp. 4–7.
- Bessonov I. A. *Russkaya narodnaya eshatologiya: istoriya i sovremennost'* [Russian people's eschatology: history and modernity]. Moscow, Gnosis, 2014, 336 p.
- Gromov D. V. Fol'klornye texty o "raneshney" Biblii [Folklore texts about the "earlier Bible"]. *Zhivaya starina*. 2003, no. 1, pp. 42–44.
- Klyashorniy S. G. Istoriko-kul'turnoye znachenie Sudzhinskoy nadpisi. [Historical and cultural significance of inscriptions in Sudzhinsk]. *Problemy vostokovedeniya*. 1959, no. 5, pp. 162–169.
- Klyaus V. L., Prigarin A. A. Perezhivaniya kontsa sveta u starobryadtsev rossiysko-ukrainskobelorusskogo pogranich'ya [End of the world experience of the Old Believers of the Russian-Ukrainian-Belarusian borderland]. *Traditional culture*. 2011, no. 4, pp. 126–132.
- Kyzlasov I. L. Kulturnye vzaimosv'azi t'urkov i irantsev v VI–XIII vv. (yazik, pis'mennost', religia) [Cultural interconnections of Turks and Iranians in 6-8th centuries (language, writing, religion)]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2004, no. 6, pp. 3–13.
- Kyzlasov I. L. Manikheyskie monastyri na Gornom Altaye [Manichean monasteries in Mountain Altai]. *Drevnosti vostoka*. Moscow, Rusaki, 2004, pp. 127–128.
- Kyzlasov L. R. Otkrytie gosudarstvennoy religii drevnikh khakasov. Mani i manikheystvo [The discovery of ancient Khakassians religion. Mani and Manichaeism]. In: *Trudy Khakaskoy arkhologicheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Khakassian archeological expedition]. Moscow, Abakan, 1999, vol. 6, pp. 10–41.
- Kyzlasov L. R. Severnoe manikheystvo i ego rol' v kul'turnom razvitii narodov Sibiri i Tsentral'noy Azii [Northern Manichaeism and its role in the cultural development of the peoples of Siberia and Central Asia]. *Drevnosti Altaya*, 2000, no. 5. URL: <http://e-lib.gasu.ru/da/archive/2000/05/10.html> (accessed 25.12.2016).
- Malov S. E. *Pamyatniki drevnyurkskoy pis'mennosti* [The monuments of ancient Turkic writing]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1951, 452 p.
- Muytueva V. A. *Traditsionnaya religiozno-mifologicheskaya kartina mira altaytsev* [Traditional religious and mythological world picture of Altaians]. Gorno-Altaysk, RIO GAGU, 2004, 208 p.
- Nasonov A. A. Vliyanie buddizma i khristianstva na formirovaniye veroucheniya burkhanizma v hode protsessa sinkretizatsii na territorii Altae-Sayan v kontse XIX – nachale XX v. [The influence of Buddhism and Christianity in the formation of beliefs Burkhanism during syncretization process on the territory of the Altai-Sayan Mountains in the late 19th – early 20th century]. *Mir Evrazii*. 2010, no. 2(9), pp. 64–68.
- Potapov L. P. *Ocherki istorii Oyrotii: altaitsy v period russkoy kolonizatsii* [Essays on the History of Oirat: Altai during the Russian colonization.]. Novosibirsk, OGIZ, 1933, 204 p.
- Potapov L. P. *Ocherki po istorii altaitsev* [Essays on the history of Altai]. Moscow, Leningrad, Izd. AN SSSR, 1953, 442 p.
- Sherstova L. I. *Tyurki i russkie v Yuzhnoy Sibiri: Etnopoliticheskie protsessy i etnokul'turnaya dinamika XVII – nachala XX veka* [Turks and Russian in Southern Siberia: ethno-political and ethno-cultural dynamics of the processes of 17th – beginning of 20th century]. Novosibirsk, IAET SO RAN, 2005, 312 p.
- Sherstova L. I. Eskhatologiya rannego burkhanizma: iz opyta rekonstruktsii traditsionnogo etnicheskogo samosoznaniya [Eschatology of the early Burkhanism: from the experience of traditional ethnic self-consciousness]. *Tomsk State Univ. Journal. History*. 2013, no. 3(23), pp. 181–185.
- Sherstova L. I. Gornyy Altay v XVI–XX vv.: dzhungarskoe etnokul'turnoe nasledie [Altai Mountains in the 16-20th centuries: Dzungarian ethnocultural heritage]. In: *Istoriya i kul'tura srednevekovykh narodov stepnoy Evrazii: Materi-aly II Mezhdunar. kongr. srednevekovoy arkheologii Evraziyskikh stepey* [History and culture medieval peoples of the Eurasian steppe. Proceedings of the 2nd International Congress of Medieval Archaeology of the Eurasian steppes]. Barnaul, Izd. Alt. univ., 2012, pp. 238–245.
- Stebleva I. V. K rekonstruktsii drevnyurkskoy religiozno-mifologicheskoy sistemy [To reconstruction of the ancient Turkic religious and mythological system]. In: *Tyurkologicheskii sbornik 1971* [Turkological collection 1971]. Moscow, Nauka, 1972, pp. 213–226.
- Tadysheva N. O. *Vliyanie khristianizatsii na semeynyuyu obryadnost' korennykh narodov Gornogo Altaya* [Effect of Christianization on the family ritual of the indigenous peoples of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk, Gorno-Alt. tip., 2011, 168 p.

Tokarev S. A. *Dokapitalisticheskie perezhitki v Oyrotii* [Pre-capitalist remnants in Oiroi]. Leningrad, Sotz.-ekon. izd. Leningr. otd., 1936, 156 p.

List of sources

Altai-kep kuuchyndar (Altayskie predaniya) [Altai legends]. Compiled by I. B. Shinzhin, E. E. Yamaeva. Gorno-Altaysk, Ak Chechek, 1994, 415 p. (in Alt. lang.).

Basangova T. G. *Eskhatologicheskie mify kalmykov* [The eschatological myths of Kalmyks]. In: *Sankt-Peterburgskie mongolovednye chteniya: Nauchnaya konf., posvyashchennaya vedushchim rossiyskim mongolovedam, yubilyaram 2017 goda: M. I. Gol'manu (90 let), K. N. Yatskovskoy (90 let), V. V. Grayvoronskomu (80 let), L. G. Skorodumovoy (70 let), 27 sentyabrya 2017 g.* [St. Petersburg Mongolian readings. The scientific conference dedicated to the leading Russian mongologists, celebrating their anniversaries in 2017: M. I. Golman (90 years), K. N. Yatskovskaya (90 years), V. V. Graivoronsky (80 years), L. G. Skorodumova (70 years). September 27, 2017]. St. Petersburg, 2017, pp. 6–7.

Legendy i skazki Tsentral'noy Azii, sobrannyye grafom A. P. Bennigsenom [Legends and tales of Central Asia collected by Count A. P. Bennigsen]. St. Petersburg, 1912, 172 p.

Oinotkinova N. R., Shinzhin I. B., K. V. Yadanova, E. E. Yamaeva (Comps). *Neskazochnaya proza altaitsev* [Non-fairy prose of Altaians]. (Folklore monuments of the peoples of Siberia and the Far East). Novosibirsk, Nauka, 2011, vol. 30, 576 p.; illustr. + CD.

Obraztsy narodnoy literatury t'urkskih pl'emen, zhivush'ih v Yuzhnoy Sibiri i Dzungarskoy Stepi, sobrannyye V. V. Radlovym [The folk literature samples of the Turk tribes living in Southern Siberia and the Dzungar steppe, collected by V. V. Radlov]. St. Petersburg, Tip. Imp. AN, 1866, pt 1: Podnarechiya Altaya [Subdialects of Altai], 410 p.